

КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

COMMUNICATION. DISCOURSE. SPEECH GENRES

УДК 81'32

DOI: 10.31249/ling/2023.02.03

Долинский В.А.¹

СИНЕРГЕТИКА И ПРИНЦИП НАИМЕНЬШЕГО УСИЛИЯ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Аннотация. В статье рассматривается применение принципа наименьшего усилия при порождении и восприятии текста. Инициальная аббревиация – один из способов сокращения длины слова в современных языках. Тенденция к сокращению длины слова рассматривается с позиции лингвистической синергетики и теории информации. Аббревиатуры экономят речевые усилия, но злоупотребление ими ведет к выхолащиванию смысла сообщений. Рост доли аббревиатур в вокабуляре ведет к росту омонимии, десемантизации слов и – с расширением потока полимодальных текстов – к снижению доверия к вербальной составляющей коммуникации. Тренд к аббревиации – свидетельство дегуманизации языка. В статье приведены примеры современных инициальных аббревиатур.

Ключевые слова: лингвистическая синергетика; тенденция к аббревиации; длина слова; десемантизация; декодирование; русский язык; количественная лингвистика.

¹© Долинский В.А., 2023

Долинский Владимир Аркадьевич – д-р филол. наук, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Московского государственного лингвистического университета, e-mail: vdolinsky@yandex.ru

Для цитирования: Долинский В.А. Синергетика и принцип наименьшего усилия в языке и речи // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2023. – № 2. – С. 51–70. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.03

DOLINSKY V.A.¹

SYNERGETICS AND THE PRINCIPLE OF LEAST EFFORT IN LANGUAGE AND SPEECH

Abstract. The article discusses the application of the principle of least effort in the generation and perception of text. The initial abbreviation is one of the ways to shorten the word length in modern languages. The tendency to shorten word length is considered from the perspective of linguistic synergetics and information theory. Abbreviations save speech effort, but overuse of them makes them leads to the emasculation of the meaning of messages. The growth of abbreviations in vocabulary leads to an increase in homonymy, desemantization of words and, with the expansion of the flow of “polymodal texts”, – to a decrease in confidence in the verbal component of communication. The trend towards abbreviation is evidence of the dehumanization of the language. Examples of modern initial abbreviations are given.

Keywords: linguistic synergetics; abbreviation tendency; word length; desemantization; decoding; Russian language; quantitative linguistics.

For citation: Dolinsky V.A. Synergetics and the principle of least effort in language and speech // Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics. – 2023. – № 2. – Pp. 51–70. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.03

Диверсификация и унификация в языке и речи

В последние десятилетия исследование количественных характеристик языковых единиц и структур привлекло внимание лингвистической синергетики. Синергетический подход опирается на идеи «языковых механизмов» и стоящих за ними «сил» диверсификации и унификации, на коммуникативные «потребности» носителей языка и ориентирован на изучение языковой саморегуляции [Köhler, Altmann, Piotrowski, 2005; Пиотровский, 2006].

В коммуникации человек исполняет попеременно роль говорящего и роль слушающего. При этом интересы говорящего и

¹*Dolinsky Vladimir Arkadievich* – Doctor of Philology, Professor of the Department of Applied and Experimental Linguistics, Moscow State Linguistic University. e-mail: vdolinsky@yandex.ru

слушающего не совпадают и даже противоположны: говорящий заинтересован в *экономии* речевых усилий, в свертывании форм высказывания (сокращении длины сообщения и его элементов), а слушающий, напротив, хочет, чтобы все выражаемое говорящим было максимально *понятно*, и следовательно, в интересах слушающего получать эксплицитные, явно выраженные сообщения от говорящего (увеличение длины сообщения и его элементов) [Арапов, 1988].

Согласно концепции *лингвистической синергетики* в сфере семантики слушающий старается исключить полисемию (омонию аббревиатур), не допуская существования у каждого слова более чем одного значения (одного способа дешифровки). Подобная мера позволяет ему получать сообщения с наименьшим усилием (*least effort*) по их декодированию. Противоположная тенденция состоит в предельном расширении полисемии (омонимии аббревиатур): случаи, когда говорящий старается придать каждому слову (каждой аббревиатуре) максимум значений, что требует наименьшего усилия по кодированию сообщений с его стороны. Победа в коммуникации говорящего привела бы к унификации: исключению всех слов, кроме одного, передающего все значения. Победа в коммуникации слушающего привела бы к диверсификации: превращению всех слов (всех аббревиатур) в однозначные. Эмпирический результат этих противоположных тенденций – компромисс, направленный к определенному равновесному вероятностному распределению слов по числу значений (а аббревиатур – по числу способов дешифровки) (рис. 1).

По отношению к ассоциациям слова наблюдается та же тенденция, что и со значениями: слушающий стремится игнорировать скрытые (неявные, имплицитные) ассоциации слова, говорящий постоянно порождает новые ассоциации на слово, новые коннотации [Долинский, 2022]. Их число и частота могут различаться для каждого слова. Это означает, что семантика слова постоянно подвергается процессам диверсификации и унификации. Результатом этого будет компромисс между коммуникативными потребностями (*communication needs*) говорящего и слушающего, порождающий асимметричное распределение, в котором одна или несколько ассоциаций появляются очень часто, а остальные ассоциации редки и образуют длинный «хвост» распределения.

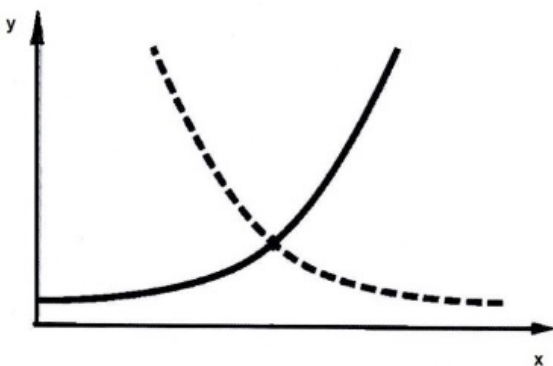

Рис. 1. Синергетическая модель коммуникации «говорящий» / «слушающий»
x-ось рангов; y-ось усилий _____ кодирование _____ декодирование.
На оси рангов языковые единицы расположены в порядке убывания частоты

Важную роль в языковой саморегуляции играет длина слова. Длина слова взаимодействует с целым рядом других лингвистических признаков и зависит от:

1) частоты употребления слова: в связном тексте, где частота доминирует над другими факторами; в распределении слов по длине частота коротких слов оказывается выше по сравнению с частотой длинных слов;

2) числа значений слова: в среднем, полисемичность коротких слов выше, чем длинных;

3) числа контекстов их употребления (употребительность; textuality): если слово встречается во многих контекстах, его частота (так же как число его значений) возрастает, в то время как его длина уменьшается;

4) размера словаря языка: если язык имеет небольшой запас слов, слова могут быть более короткими;

5) числа фонем в фонемном инвентаре: если язык имеет небольшое число фонем, то либо слова должны быть длиннее, либо язык должен быть аналитическим;

6) дистрибуции фонем: если есть очень мало ограничений на дистрибуцию фонем, слова имеют тенденцию быть короче;

7) типа языка.

Первые три признака влияют на длину слова на *локальном* уровне, т.е. они влияют на длину каждого слова в отдельности. Последние четыре признака влияют на слово *глобально*, т.е. влияют на среднее значение и дисперсию длины слов в языке [Grotjahn, Altmann, 1993].

Аббревиация как особый способ словообразования

Среди современных тенденций в развитии языков все чаще отмечается тенденция к сокращению длины слов. Аббревиация как особый способ словообразования получила широкое распространение в европейских языках в XX в. В русском языке тенденция в производстве звуковых и буквенных аббревиатур усиливалась в 1914–1920-х, 1960-х, 1990-х годах. Среди других способов словообразования аббревиация занимает особое место. В языке она выполняет компрессивную функцию, т.е. служит для создания номинаций более кратких, чем соотносительное словосочетание [Русская грамматика, 1982]. Основные сферы действия аббревиации – речь официально-деловая, научная, публицистическая. Некоторые бывшие аббревиатуры превратились в полноценные слова: АЛФАВИТ (гр.), АЗБУКА (слав.), ЭЛЕМЕНТ (лат.: из *L, M, N*). Но многие из аббревиатур вызывают затруднения в обыденной коммуникации.

Аббревиатуры принято считать «скупными словами», малопонятными или даже совсем непонятными обычным людям [Земская, 1996]. М.В. Панов указывал, что аббревиатура должна быть благозвучной, многосонорной; желательно, чтобы она напоминала обычное слово, вплоть до полной омонимии [Русский язык, 1968, с. 97]. Аббревиатура – сокращенное написание, стяжение нескольких слов, обозначающих единое понятие, в форме одного слова. Аббревиатуры – это имена существительные, состоящие из усеченных отрезков слов, входящих в синонимичное словосочетание [Русская грамматика, 1982].

Среди сокращений разного рода выделяют **аббревиатуры инициального типа** с двумя подтипами:

а) образования из начальных звуков слов (акронимы): *вуз, загс, бомж, роно, НИИ, УДО, МИД, АСУ, УЗИ, ВАК, ТЮЗ, МХАТ, ВГИК, СНИЛС, ИНИОН, ОСАГО, ЦГАЛИ.*

б) образования из названий начальных букв слов: *ПО, АН, ОТК, ФБР, ЦСУ, МЦК, ГМО, МВД, БМП, СНГ, ЭВМ, СПб, ИВЛ, ПДД, ЦКБ, СССР, ЛГБТ, ВДНХ, ВЦСПС.*

Аббревиатуры типа «а» с основой на согласную относятся к словам муж. р. I скл. (*вуз, НЭП, ГАБТ*) либо к несклоняемым того же рода, что и стержневое слово (*ГЭС, ОСАГО, МГИМО*). Аббревиатуры типа «а» с основой на гласную – несклоняемые, того же рода, что и стержневое слово полного наименования (в разговорной речи возможен средний род (*наши НИИ, наш роно* и разг. *наше НИИ, наше роно*).

Аббревиатуры типа «б» относятся к несклоняемым существительным того же грамматического рода, что и стержневое слово соответствующего полного наименования (например, *СССР, ЦК* – муж. р., *ЭВМ, ВДНХ* – жен. р.).

Среди инициальных аббревиатур встречаются сокращения смешанного типа (между «а» и «б»), в которых из-за неудачного подбора начальных букв применяются смешанные и нерегламентированные способы произношения: *ЦДСА* [цэ-дэ-са], *ГИБДД* [ги-бэ-дэ-дэ], *США* [сэ-шэ-а].

О сокращениях типа «б» писал Е.Д. Поливанов: «Тип этот, конечно, мало удобен в фонетическом отношении, так как при отсутствии слова с гласным инициалом образовать по нему сокращенные слова совсем невозможно (получаются фонетически непереаримые комплексы вроде СЗКГХ, ПБСК, ЖМПМБС и т.д.)... Шаблоном для аббревиатур революционной эпохи явились телеграфные сокращения военного времени и телеграфный код» [Поливанов, 2003, с. 80–81, с. 144].

А.М. Селищев описывал трудности восприятия и усвоения аббревиатур: «Слова, образованные по названию начальных букв и по произношению начальных гласных или слогов, не воспринимаются *чутьем* говорящих в связи с полными словами, от которых образованы эти сокращенные термины. ... Сначала пробовали ссылаться на телеграф: это, мол, телеграфный язык. Выходит дешевле. Но Наркомпочтель поспешил отмежеваться от извратителей русского языка. Наркомпочтель оказался в роли первого защитника языка: он заявил, что никаких «желдоров», «абонплат» и «госбанков» не признает. В силу необходимости, он считается с некоторыми, получившими право гражданства, *изувеченными* словами, а

все остальные *искажения* будут *бесцеремонно расцифровываться*, расчленяться и оплачиваться самостоятельно» [Селищев, 2003, с. 166–168] (курсив наш – В.Д.).

Восприятие новой «телеграфной» лексики сравнивал с «отгадыванием мыслей» М.А. Булгаков. В рассказе «Москва краснокаменная» (1922) он писал: «Несется трамвай среди говора, гомона, гудков. В Центр. Летит мимо Московской улицы. Вывеска на вывеске! В аршин. В сажень. Свежая краска бьет в глаза. И чего-чего на них нет. Все есть, кроме твердых знаков и ятей. Цупвоз. Цустран. Моссельпром. Отгадывание мыслей. Мосдревотдел. Виноторг... Врывсельпромгвиу, Униторг, Мосторг и Главлесторг, Центробумтрест» [Булгаков, 1989, с. 228].

Г.О. Винокур отмечал «...гипертрофию сокращенных наименований, пекущихся наспех, без особой необходимости, и остающихся в ряде случаев *непонятными* широким массам. Недаром же в самом деле пришла одному московскому карикатуристу мысль нарисовать двух крестьян, ломающих голову перед вывеской со словом “ВХОД” и недоумевающих – в какое учреждение они попали? ... Карцевский говорит об “искусственном, надуманном характере сокращений” ... Если сокращения “надуманы”, то каким же образом они “придумываются”? Чем руководится здесь “выдумка” и что конкретно дает она языку? Высока ли степень “сознательности” выдумывающих?» [Винокур, 2006, с. 67, 90–91].

А.Д. Синявский отмечал политическую окрашенность аббревиатур во многих странах: «Нетрудно заметить, что это язык в первую очередь *политизированный*. Государство стремится придать своим словам не просто какой-то новый смысл, но ярко выраженную политическую окраску ... Новые названия государственных учреждений, как правило, были очень длинными и сложными. Произносить полностью все эти новые титулы было делом долгим и затруднительным. Отсюда в языке начинается развитие *аббревиатур*.

Многие названия по своему написанию и звучанию напоминают сейчас *алгебраические формулы*» [Синявский, 2002, с. 273].

Непонятность новых специальных аббревиатур для «непосвященных» выделял Вяч. Вс. Иванов: «Представление слова или основы частью, усеченной до одного слога или одной фонемы, характеризует современные сложносокращенные слова. Их ... бурное

развитие связано с политическими, технологическими, экономическими, бюрократическими преобразованиями последующего времени, особенно в тоталитарных государствах: такие специфические для них структуры, как спецслужбы, всегда обозначаются аббревиатурами...

Новый взлет числа сложносокращенных слов к концу XX в. связан с компьютерной и информационной революцией, ср. распространение сложносокращенных сочетаний типа *e-mail* ... Это является следствием статистически обусловленного изнашивания самых употребительных слов языка, которое осуществлялось на больших отрезках времени...

История сложносокращенных слов в начале XX в. показывает, что они первоначально могли быть связаны и с задачей использования кода, доступного только посвященным (в частности, членам партии, название которой сокращается, например, *эс-эр* = социалист-революционер)» [Иванов, 2004, с. 36–41].

За последние два-три десятилетия в жанре официального наименования обозначились существенные изменения. Официальное наименование учреждения должно прямо сообщать адресату ведомственную принадлежность и тип именуемого предприятия или организации. Наименования, построенные по модели словосочетания с номинативным приложением в кавычках, составляли в советское время сравнительно небольшую часть официальных названий (*Научно-производственное объединение «Орион», совхоз «Московский», гостиница «Метрополь»*) и существовали наряду с названиями, не содержащими собственного имени, типа *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинградское оптико-механическое объединение им. В.И. Ленина, Московское районное управление энергетического хозяйства*. Сегодня для подобных обозначений все чаще используется приложение в кавычках: *ФГБОУ ВО «МГУ им. М.В. Ломоносова», ОАО «ЛОМО», ПАО «МОЭСК»*.

В XXI в., благодаря необузданному словотворчеству чиновников, без кавычек не могут именоваться учебные заведения: *ФГБОУ ВО «МГТУ им. Н.Э. Баумана»*.

М.Я. Дымарский относит подобное проявление безграмотности к идеологии «новояза»: «Здесь обращает на себя внимание не столько министерское стремление к классификаторству, сколько

сопутствующее ему навязывание *алогичности* и безграмотности. Можно допустить, что в определенных контекстах классифицирующая номинация, удостоверяющая, что речь идет не о какой-нибудь самозванной “академии”, а о Государственном Образовательном Учреждении, и что дают в нем не какое-нибудь, а Высшее Образование, – необходима. Но делать эту классификационную номинацию обязательной приставкой к собственному наименованию вуза, и без того содержащему ключевую классификационную номинацию (*университет*), означает последнюю обесценивать: ведь тем самым имплицитно допущено, что бывают университеты, в которых не высшее образование дают, а занимаются чем-то совершенно иным. Кроме того, получающаяся в итоге комплексная номинация насквозь тавтологична. Если помнить, что университет и есть учреждение (классического многопрофильного) высшего образования, то в итоге получается: *федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования “Санкт-Петербургское государственное учреждение (классического многопрофильного) высшего образования”*. Тавтологичная номинация, сдвинувшая на место зависимого компонента словосочетания вполне ясное прежнее название, – яркий пример нелюбви к здравому смыслу, возведенной в ранг государственной политики в сфере номенклатуры учреждений [Дымарский, 2018, с. 88–98].

И.И. Бакланова и М.Ю. Федосюк отмечают, что «для русской деловой речи последнего десятилетия характерна тенденция к замене традиционных наименований некоторых предметов и явлений новыми обозначениями, которые претендуют на высокую терминологическую точность, однако при этом весьма громоздки и трудны для восприятия». Авторы отмечают «тенденцию к неоправданному игнорированию коммуникативных интересов адресатов». С одной стороны, это «установка на намеренное отстранение от участия в деловой коммуникации “непосвященных”». С другой стороны, это «коммуникативная некомпетентность некоторых работников официально-деловой сферы, которые не понимают, что важно, а что неважно для достижения успешной коммуникации» [Бакланова, Федосюк, 2020, с. 56–57, 63–64].

Л.Э. Найдич предположила: «По-видимому, истинный смысл канцелярских штампов состоит в отмежевании канцелярита

от всех остальных стилей, в создании особого языка, доступного далеко не всем. ... В результате язык способствует созданию некоторого ореола вокруг всей деятельности соответствующих канцелярских организаций, представлению ее в виде почти жреческого служения. Правила генерирования канцелярских текстов доступны лишь посвященным – и в этом, очевидно, основной смысл канцелярита. Как не всякому разрешено войти в алтарь, так не каждый может написать заявление или докладную записку, заполнить анкету и т.п. Недоступно это бывает даже ученому, писателю – людям, хорошо владеющим языком и его различными стилями, не говоря уж о простых людях» [Найдич, 1995, с. 15].

Непонятность для непосвященных – ради этой цели создаются псевдослова, требующие повышенных усилий адресата при декодировании текста. Вывеска «КСПК Останкино» («культурно-спортивный парковый комплекс») преобразует знакомое жителям место отдыха в «неопознанный топографический объект». Не поддающиеся дешифровке аббревиатуры создают особый строй канцелярита, повышающий престиж и неподконтрольность его носителей. «В настоящее время всплеск подобной активности в порождении абсурдных псевдослов можно связывать с повышением значимости бюрократических процедур и текстов, поддерживающих клан административно-бюрократической элиты. Для нее и существует особый письменный язык с его зашифрованными наименованиями» [Федорова, 2020, с. 11]. Так, несложный, казалось бы, для расшифровки и созданный для удобства граждан центр коммуникации (МФЦ – многофункциональный центр) в документе превращается в «сакральный объект» с особым статусом: «На территории МФЦ запрещается: ... совершать аморальные действия, оскорбляющие морально-этические чувства работников МФЦ, посетителей и иных лиц, находящихся на территории МФЦ, а также честь и достоинство окружающих» (Положение «Об организации внутриобъектного и пропускного режима», объявленного Приказом Директора ГБУ МФЦ г. Москвы от 25.12.2015 № 01–1-770/15).

Принцип экономии vs принцип понимания

С позиции *теории информации* появление того или иного элемента в речевой цепочке обусловлено предшествующими элементами. Каждый последующий элемент предсказывается предыдущими. Чем элемент дальше от начала, тем в большей степени он предсказуем. Так, вероятность появления той или иной буквы в конце изолированного слова, как правило, значительно выше, чем в начале слова. Если вероятность появления последних букв увеличивается, значит, информативность (ценность) их уменьшается по сравнению с начальными буквами. Не случайно в конспектах при сокращениях обычно оставляют начальные буквы или сочетания букв, а не конечные (*см., нрзб., и т.д.*). Эта закономерность проявляется не только в буквах, но и в словах, и в сочетаниях слов. И часто начало фразы (*Скажи-ка, дядя...*) подсказывает ее продолжение (*...ведь недаром*).

Подход к коммуникации от теории информации обнаружил закономерности универсального характера. Любой канал связи имеет определенную пропускную способность: он может передавать только такое количество информации, на которое он рассчитан. В интересах коммуникантов – повышать *эффективность* его использования. Эффективность – это количество информации, передаваемое по каналу связи в единицу времени. Одно и то же сообщение может быть передано по каналу связи или в два раза быстрее или вдвое короче по длине. При прочих равных условиях эффективность коммуникации возрастет вдвое. Естественно, что чем выше эффективность, тем лучше используется канал связи, тем меньше затрачивается времени / места / сил на передачу сообщения. Коммуниканты стремятся к тому, чтобы их сообщения были как можно более краткими, компактными. Эта закономерность и есть то, что в лингвистике называется *принципом экономии*. Лингвисты обычно и ограничиваются рассмотрением этого принципа.

В процессах коммуникации важен не только принцип экономии, эффективности использования канала связи. Из-за разного рода помех сообщение, декодируемое слушающим (читающим), не всегда соответствует сообщению, закодированному говорящим (пишущим). В нормальной ситуации говорящий вступает в коммуникацию вовсе не для того, чтобы как можно скорее передать

сообщение или сэкономить на его длине, а для того, чтобы слушающий адекватно воспринял, правильно понял (дешифровал) то, что хочет ему сказать говорящий. Задача любой коммуникации – добиться того, чтобы полученное сообщение максимально соответствовало сообщению переданному. Степень соответствия воспринятого сообщения сообщению отправленному носит название **надежности**. Это второй принцип, важный для процессов коммуникации, **принцип понимания**. Именно для того, чтобы слушающий лучше понял говорящего, чтобы речь говорящего была надежнее, отправитель должен стремиться передавать сообщение медленнее, повторять его, увеличивать его длину (жертвуя принципом экономии).

Эффективность и надежность по своим свойствам – антагонистические параметры коммуникации. Чем выше эффективность, тем ниже надежность, и наоборот. Коммуниканты всегда находятся в поиске некоего равновесия, компромисса, добиваясь того, чтобы их сообщения были и в меру эффективными, и достаточно надежными. Взаимодействие факторов эффективности и надежности (принципов экономии и понимания) не только проявляется в технических системах связи, но имеют универсальный синергетический смысл в речевой деятельности людей, в устройстве естественных языков. Как писал Л.В. Сахарный, «если речь будет чересчур эффективной, то возможны серьезные сбои в понимании. Примеры тому – известные истории (анекдотические или реальные) с телеграммами, когда максимальное устранение избыточности сообщения приводит к полному непониманию всего сообщения при малейшем искажении сигнала. Превышение же каких-то стандартов надежности приводит к многословию. Такого человека становится неинтересно и тяжело слушать, так как наступает перенасыщение сигналами, не несущими новой информации» [Сахарный, 1989, с. 20].

С позиции оценки трудовых затрат и стремления к их экономии расценивал речь Е.Д. Поливанов: «Основная пружина этого механизма, действительно, есть то, что, говоря грубо, можно назвать словами: “лень человеческая” или – что то же – стремление к экономии трудовой энергии...»

Отсюда и вытекает общая для всех участников языкового общения и постоянно осуществляющаяся тенденция – *по возможности* сокращать комплексы звукопроизводных работ (а также и энер-

гию, расходуемую на каждую отдельную из этих звукопроизводных работ, т.е. на отдельное, например, движение языка, губ и т.д.), а в итоге, следовательно, и время, занимаемое данной фонацией.

Проявление “лени человеческой”, т.е. экономия трудовой энергии, сказывается в истории языков не в одной только экономии физиологической (в смысле экономии произносительных работ – языка, губ, гортани), но и в виде *экономии психической деятельности*» [Поливанов, 2003, с. 43–48].

Само собой разумеется, что среди коротких слов схожие слова встречаются чаще, чем среди длинных. С уменьшением длины слова сокращается ассортимент возможных буквосочетаний. О системных ограничениях, задаваемых размером алфавита (26 букв для английского языка), писал К. Веркман: «Теоретически можно создать 17576 (26^3) слов, состоящих из трех букв. Но поскольку “слова” типа “AAA”, “XYZ”, “BLZ” нельзя считать реально произносимыми, количество слов, насчитывающих три буквы, оказывается значительно меньшим. Если при схеме конструкции *bab* мы сочтем приемлемыми “слова” типа “XAX”, максимальное число возможных вариантов составит 2400 (6×20^2). То же число вариантов мы получим при использовании схем *abb* или *bba*, а формула *aba* даст 720 слов» [Веркман, 1986, с. 462].

Создатели аббревиатур всегда подчеркивают, что аббревиация выполняет компрессивную функцию: сокращает время, место, усилие и стоимость сообщений. Словарь бизнес-терминов определяет аббревиатуру как название или обозначение, состоящее из начальных букв или цифр словосочетания, используемое для сокращения места и ускорения передачи информации [Словарь ... , 2001]. Принято считать, что разумное употребление аббревиатур экономит время пишущего и читающего и печатную площадь.

Хотя печатная площадь измеряется в разных единицах (число слов – в телеграммах, число символов – в газетных объявлениях или смс-сообщениях), отправитель и получатель сообщения (кодирующий и декодирующий) всегда руководствуются общими принципами экономии и надежности. «Двадцатипятируйте» – писал бедный студент в телеграмме родителям. Остап Бендер «мигом сообразил», что объявление в черноморской вечерке «Сд. пр. ком. в. уд. в. н. м. од. ин. хол.» означает «Сдается прекрасная комната со

всеми удобствами и видом на море одинокому интеллигентному холостяку» (И. Ильф, Евг. Петров. «Золотой теленок», 1931).

При обмене текстовыми сообщениями на мобильных телефонах с помощью службы коротких сообщений (SMS) ограничение в 160 символов для латиницы и в 70 символов для кириллицы сделало использование аббревиатур неизбежным.

Отмечалось, что аббревиатура должна соответствовать назначению текста, быть понятной читателю, исключать омонимию, не вызывать отвлекающих ассоциаций, быть единообразной для однотипных слов и словосочетаний. Новые аббревиатуры и акронимы не только способны вызывать отвлекающие (неуместные) ассоциации, но и «отрезают» многие привычные ассоциации. Структура и принципы построения аббревиатур внутренне противоречивы. Следствие этого – недоверие к слову, обесценивание его лексического значения [Долинский, 2020].

Объем словника (вокабуляр) словарей сокращений русского языка непрерывно пополняется все новыми и новыми единицами, что неизбежно приводит к росту числа аббревиатур-омонимов [Елисеев, 2018]. Так, словарь сокращений. рф [Словарь ... , 2020] сообщает о своем составе следующее: «У нас собрано более 48 000 аббревиатур с более чем 102 000 способов их расшифровки».

Этот словарь для аббревиатуры *КПД* приводит 12 способов дешифровки: канал передачи данных; кафедра программного дизайнера; клуб профессионалов дизайнера; ключевой показатель деятельности; Коммунистическая партия Дагестана; компания производственной дефектоскопии; комплексный план действий; комплект перевозочных документов; кремнийорганическая паста диэлектрическая; культурно-просветительская деятельность и т.п., – среди которых отсутствует всем известное значение «коэффициент полезного действия». Именно это значение является наиболее частотным в ассоциативном поле слова-стимула «КПД».

Расширяющееся употребление аббревиатур и их структурное разнообразие позволяют говорить о *двух разнонаправленных тенденциях*. С одной стороны, аббревиатуры и сокращения позволяют избегать длинных, многословных конструкций, экономить речевые усилия и добиваться краткости в общении. С другой стороны, повсеместное увлечение, злоупотребление замысловатыми сокращениями затрудняет их понимание, особенно когда речь

идет о специальных терминах, о сокращениях местного характера, стилистически маркированных, не вошедших в общелитературный язык. Между тем лавина новых аббревиатур приводит к повышению доли *омонимов*, затрудняет семантизацию (расшифровку) и делает их *все более непонятными* для читателя и слушателя – носителя русского языка. Таким образом, применение «принципа наименьшего усилия» для говорящего неизбежно приводит к необходимости применения «принципа наибольшего усилия» для слушающего (и наоборот).

Кроме средства официальной номинации, аббревиация часто используется в речи и как средство *экспрессии*, художественной выразительности.

Общеупотребительные инициальные аббревиатуры могут порождать словообразовательные гнезда. Интересны производные *эсэньговье* (от СНГ, по типу *Приднестровье*), *замкадье* (от МКАД, по типу *Замоскворечье*), *пиарщик* (от *пиар* – PR, по типу *сварщик*).

Игровая расшифровка общепринятых аббревиатур – прием, который используется в разговорном языке, жаргонах, а также в различных профессиональных языках. Столкновение значения обычной аббревиатуры со значением аббревиатуры-омонима создаст комический эффект, порождает каламбур, шутку (например, акронимы-омофоны *НИИЧАВО*, *НУИНУ* у Стругацких). Так, широко распространенная аббревиатура *ЧП* (чрезвычайное происшествие) используется медиками в значении «частная практика», журналистами – в значении «четвертая полоса» (полоса в газете, на которой помещается юмористический материал).

Известное сокращение *до н.э.* (до нашей эры) сегодня расшифровывается как «до начала эпидемии (коронавируса)». В молодежном жаргоне бытуют игровые омонимы к обычным аббревиатурам. Ср.: *ОРЗ* (острое респираторное заболевание) и *ОРЗ* (очень рано завязал), *МАДИ* (Московский автодорожный институт) и *МАДИ* (московский алкогольно-дегустационный институт), *ПГМ* (противогололедный материал) и *ПГМ* (православие головного мозга).

В романе В.Н. Войновича «Монументальная пропаганда» (2000) читаем: «По партийно-бюрократической грамматике того времени аббревиатура “т.т.” означала “товарищи”, но не простые товарищи, а плохие товарищи. Если надо было сказать, что выступили хорошие товарищи, например товарищ Хрущёв, Микоян или

кто там еще, то писалось полное слово: “товарищи”, а если плохие товарищи, то не “товарищи”, а “т.т.”. (Данное утверждение к пистолету “ТТ” отношения не имело, но в подсознании с ним как-то ассоциировалось.)» [Войнович, 2008, с. 71–72].

Дж. Оруэлл в приложении к роману «1984» (1949), характеризуя новояз, писал: «Слова-раскладушки (telescoped words) стали одной из характерных особенностей политического языка еще в первой четверти XX века; особенная тяга к таким сокращениям была отмечена в тоталитарных странах и тоталитарных организациях. Примерами могут служить такие слова, как “*наци*” (*Naci*), “*гестапо*” (*Gestapo*), “*коминтерн*” (*Comintern*), “*инпрекорр*” (*Inprecorr*), “*агитпроп*” (*Agitprop*). Сначала к этому методу прибегали, так сказать, инстинктивно, но в новоязе он использовался с осознанной целью. Стало ясно, что, сократив таким образом имя, вы сужаете и слегка изменяете его смысл, ибо отсекаете большинство ассоциаций, которые в противном случае цеплялись бы к нему. Слова “*Коммунистический Интернационал*” приводят на ум сложную картину: всемирное человеческое братство, красные флаги, баррикады, Карл Маркс, Парижская коммуна. Слово же “*Коминтерн*” напоминает всего лишь о крепко спянной организации и жестко определенной системе доктрин. Оно относится к предмету столь же ограниченному в своем назначении, как стол или стул. “*Коминтерн*” – это слово, которое можно произнести, почти не размышляя, в то время как «Коммунистический Интернационал» заставляет хотя бы на миг задуматься. Подобным же образом “*минправ*” вызывает гораздо меньше ассоциаций (и их легче предусмотреть), чем “*министерство правды*”. Этим объяснялось не только стремление сокращать все, что можно, но и на первый взгляд преувеличенная забота о том, чтобы слово легко было выговорить ... Задача состояла в том, чтобы сделать речь – в особенности такую, которая касалась идеологических тем, – по возможности *независимой от сознания*» [Orwell, 1949].

М.О. Чудакова призывала: «Дело общества – т.е. всех и каждого – быть внимательным к родной речи... Хочется просто-напросто привлечь внимание всех, кто говорит по-русски, к своему языку – к огромной ценности, доставшейся нам в подарок. К тому главному – и сегодня едва ли не единственному, – что соединяет нас в нацию.

Настойчиво повторяю – сегодня эта связка при полном общественном небрежении, невнимании к ней ржавеет и распадается. Выразимся проще – *говоря на одном языке, мы частично теряем возможность друг друга понимать*» [Чудакова, 2013, с. 201–202].

Выводы

Принцип наименьшего усилия в языке и речи требует уравнивания принципом наибольшего усилия. Эта дихотомия обеспечивает взаимопонимание говорящего и слушающего. Яснее всего это проявляется в переводческой деятельности, не поддающейся алгоритмизации.

Аббревиатуры и акронимы экономят речевые усилия, но злоупотребление ими затрудняет понимание текстов, препятствует успешной коммуникации и ведет к выхолащиванию смысла сообщений.

Новые аббревиатуры в русском языке и коммуникации не только разрушают традиционные вербальные ассоциативные поля, они способны вызывать «непредвиденные» ассоциации.

Рост абсолютного числа аббревиатур и относительной их доли в общем вокабуляре ведут к росту омонимии, десемантизации слов и, с расширением потока «полимодальных текстов», – к снижению доверия к вербальной составляющей коммуникации.

Тенденция к экономии речевых усилий в цифровой коммуникационной среде – свидетельство дегуманизации языка.

Список литературы

- Арапов М.В.* Квантитативная лингвистика. – Москва : Наука, 1988. – 184 с.
- Бакланова И.И., Федосюк М.Ю.* КГБОУ ДПО ХКИППКСПО, или Игнорирование коммуникативных интересов адресата как источник абсурда в современной деловой коммуникации // Абсурд в языке и коммуникации. – Москва : РГГУ, 2020. – С. 55–67.
- Булгаков М.А.* Москва краснокаменная // Булгаков М.А. Собрание сочинений : в 5 т. – Москва : Художественная литература, 1989. – Т. 2. – С. 226–230.
- Веркман К. Дж.* Товарные знаки: создание, психология, восприятие. – Москва : Прогресс, 1986. – 520 с.
- Винокур Г.О.* Культура языка. – Москва : Лабиринт, 2006. – 256 с.
- Войнович В.Н.* Монументальная пропаганда. – Москва : Эксмо, 2008. – 381 с.

- Вознесенский А.А.* Аксиома самоиска. – Москва : Икпа, 1990. – 561 с.
- Долинский В.А.* Тенденция к аббревиации и десемантизация слова // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. О.К. Ирисханова. – Москва : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020. – С. 205–209.
- Долинский В.А.* Теория ассоциативных полей в квантитативной лингвистике. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2022. – 437 с.
- Дымарский М.Я.* Еще раз про «новояз» // Язык советской эпохи: истоки, традиции, современное восприятие. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. – С. 88–98.
- Земская Е.А.* Активные процессы современного словопроизводства. Аббревиация как средство экспрессии // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – Москва : Языки русской культуры, 1996. – С. 120–124.
- Елисеев И.А.* Словарь аббревиатур и акронимов русского языка [Более 30 000 аббревиатур]. – Москва : Инфра-М, 2018. – 718 с.
- Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.
- Найдич Л.Э.* След на песке. Очерки о русском языковом узусе. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1995. – 202 с.
- Пиотровский Р.Г.* Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2006. – 160 с.
- Поливанов Е.Д.* За марксистское языкознание <1931>. – Смоленск : СГПУ, 2003. – 240 с.
- Русская грамматика : в 2 т. – Москва : Наука, 1982. – 784 с. – Т. 1. – 784 с.
- Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка / под ред. М.В. Панова. – Москва : Наука, 1968. – Кн. 2. – 299 с.
- Сахарный Л.В.* Введение в психолингвистику : курс лекций. – Ленинград : Ленинградский гос. ун-т им. А.А. Жданова, 1989. – 184 с.
- Селищев А.М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926) <1928>. – 2-е изд. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 248 с.
- Синявский А.Д.* Основы советской цивилизации. – Москва : Аграф, 2002. – 464 с.
- Словарь бизнес-терминов // Академик. ру. – 2001. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/20370> (дата обращения: 20.12.2022).
- Словарь сокращений. рф. – 2020. – URL: <https://словарь-сокращений.рф> (дата обращения: 20.12.2022).
- Федорова Л.Л.* Территория абсурда // Абсурд в языке и коммуникации. – Москва : РГГУ, 2020. – С. 5–21.
- Чудакова М.О.* Литература в школе: читаем или проходим? – Москва : Время, 2013. – 288 с.
- Großjahn R., Altmann G.* Modelling the distribution of word length: some methodological problems // Contributions to Quantitative Linguistics / ed. by R. Kohler and B.V. Rieger. – Trier, 1993. – P. 141–153.
- Köhler R., Altmann G., Piotrowski R.G.* Quantitative Linguistik. Ein internationales Handbuch. – Berlin ; New York, 2005. – 1041 p.
- Orwell G.* Nineteen eighty-four. A novel. – London : Secker & Warburg, 1949. – 328 p.

References

- Arapov M.V. *Kvantitativnaya lingvistika* [Quantitative linguistics]. – Moscow : Nauka, 1988. – 184 p. (In Russian)
- Baklanova I.I., Fedosyuk M. Yu. KGBOU DPO XKIPPKSPO, ili Ignorirovanie kommunikativnyh interesov adresata kak istochnik absurda v sovremennoj delovoj kommunikacii [KGBOU DPO HKIPPKSPO, or ignoring the communicative interests of the addressee as a source of absurdity in modern business communication]. *Absurd v yazyke i kommunikacii* [Absurdity in language and communication]. – Moscow : RGGU, 2020. – Pp. 55–67. (In Russian)
- Bulgakov M.A. *Moskva krasnokamennaya* [Red Brick Moscow]. Bulgakov M.A. *Sobranie sochinenij v 5 t* [Collected works in 5 v.]. – T. 2. – Moscow : Xudozhestvennaya literatura, 1989. – Pp. 226–230. (In Russian)
- Chudakova M.O. *Literatura v shkole: chitaem ili proxodim?* [Literature at school: reading or passing?]. – Moscow : Vremya, 2013. – 288 p. (In Russian)
- Dolinskij V.A. Tendenciya k abbreviacii i desemantizacii slova [The tendency to abbreviation and desemantization of the word]. *Nauka bez granic: sinerhiya teorij, metodov i praktik: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Science without borders: synergy of theories, methods and practice: proceedings of the International Scientific Conference]. Ed. by O.K. Irisxanova. – Moscow : MGLU, 2020. – Pp. 205–209. (In Russian)
- Dolinskij V.A. *Teoriya asociativnyh polej v kvantitativnoj lingvistike* [Theory of associative fields in quantitative linguistics.]. – 2-e izd. – Saint Petersburg : Aleteija, 2022. – 437 p. (In Russian)
- Dy'marskij M.Ya. Eshho raz pro “novoyaz” [On the “Newspeak” once again]. *Yazyk sovetskoj epoxi: istoki, tradicii, sovremennoe vospriyatie* [The language of the Soviet era: origin, traditions, modern perception]. – Saint Petersburg : Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, 2018. – Pp. 88–98. (In Russian)
- Eliseev I.A. *Slovar' abbreviatur i ahronimov russkogo yazyka* [Bolee 30 000 abbreviatur] [Dictionary of abbreviations and acronyms of the Russian language [More than 30,000 abbreviations]]. – Moscow : Infra-M, 2018. – 718 p. (In Russian)
- Fyodorova L.L. Territoriya absurda [The territory of absurd]. *Absurd v yazyke i kommunikacii* [Absurdity in language and communication]. – Moscow : RGGU, 2020. – Pp. 5–21. (In Russian)
- Grotjahn R., Altmann G. Modelling the distribution of word length: some methodological problems. *Contributions to Quantitative Linguistics*. Ed. by R. Kohler and B.B. Rieger. Trier, 1993. – Pp. 141–153.
- Ivanov Vyach.Vs. *Lingvistika tret'ego tysyacheletiya: Voprosy k budushhemu* [Linguistics of the third Millennium: Questions to the Future]. – Moscow : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – 208 p. (In Russian)
- Köhler R., Altmann G., Piotrowski R.G. *Quantitative Linguistik. Ein internationales Handbuch*. – Berlin ; New York, 2005. – 1041 p.
- Najdich L.E. *Sled na peske. Ocherki o russkom yazykovom uzuse* [Footprint in the sand. Essays on the Russian language usage]. – Saint Petersburg : Izd-vo SPbGU, 1995. – 202 p. (In Russian)

- Orwell G. *Nineteen eighty-four. A novel.* – London : Secker & Warburg, 1949. – 328 p.
- Piotrovskij R.G. *Lingvisticheskaya sinergetika: ishodnye polozheniya, pervye rezul'taty, perspektivy* [Linguistic synergetics: initial positions, first results, prospects]. – Saint Petersburg : Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2006. – 160 p. (In Russian)
- Polivanov E.D. *Za marksistskoe yazykoznanie <1931>* [For Marxist linguistics <1931>]. – Smolensk : SGPU, 2003. – 240 p. (In Russian)
- Russkaya grammatika v 2 t* [The Russian grammar in 2 vol.]. – T. 1. – Moscow : Nauka, 1982. – 784 p. (In Russian)
- Russkij yazyk i sovetskoe obshchestvo. Slovoobrazovanie sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Russian language and Soviet society. Word formation of the modern Russian literary language]. Ed. by M.V. Panov. – Kn. 2. – Moscow : Nauka, 1968. – 299 p. (In Russian)
- Saharnyj L.V. *Vvedenie v psiholingvistiku : kurs lekcij.* [Introduction to psycholinguistics : Course of lectures]. – Leningrad : Leningradskij gos. un-t im. A.A. Zhdanova, 1989. – 184 s.
- Selishhev A.M. *Yazyk revolyucionnoj epohi. Iz nabljudenij nad russkim yazykom (1917–1926) <1928>* [The language of the revolutionary era. From observations on the Russian language (1917–1926) <1928>]. – 2-e izd. – Moscow : Editorial URSS, 2003. – 248 p. (In Russian)
- Sinyavskij A.D. *Osnovy sovetskoj civilizacii* [Fundamentals of Soviet civilization]. – Moscow : Agraf, 2002. – 464 p. (In Russian)
- Slovar' biznes-terminov* [Dictionary of business terms]. Akademik.ru, 2001. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/20370> (accessed: 20.12.2022). (In Russian)
- Slovar' sokrashhenij.rf* [Dictionary of abbreviations.rf] – 2020. – URL: <https://словарь-сокращений.рф> (accessed: 20.12.2022). (In Russian)
- Verkman K.G. *Tovarnye znaki: sozdanie, psihologiya, vospriyatie* [Trademarks. Their creation psychology and creation]. – Moscow : Progress, 1986. – 520 p. (In Russian)
- Vinokur G.O. *Kul'tura yazyka* [The culture of language]. – Moscow : Labirint, 2006. – 256 p. (In Russian)
- Vojnovich V.N. *Monumental'naya propaganda* [Monumental propaganda]. – Moscow : E'ksmo, 2008. – 381 p. (In Russian)
- Voznesenskij A.A. *Aksioma samoiska* [The axiom of self-search]. – Moscow : SP IKPA, 1990. – 561 p. (In Russian)
- Zemskaya E.A. *Aktivnye processy sovremennogo slovoпроизводства. Abbreviaciya kak sredstvo ekspressii* [Active processes of modern word production. Abbreviation as a means of expression]. *Russkij yazyk konca XX stoletiya (1985–1995)* [The Russian language of the late twentieth century (1985–1995)]. – Moscow : Yazyki russkoj kul'tury, 1996. – Pp. 120–124. (In Russian)